

Юн Ци, получив высочайший указ, отправился во дворец императора, чтобы встретиться с Огненным императором Янь-ди. Прошло не более часа, а принца, который ушёл на своих ногах, обратно внесли на руках. Увидев изящное и бледное, словно шёлковая ткань, лицо старшего брата, Юн Шань сломлено вздохнул: боль охватила сердце, да так, что юноша не знал, что и делать.

В ту же ночь спешно явился придворный лекарь Чэнь проверить пульс, выявить причину болезни, приготовить лекарство, применить его... Мужчине подавали тёплые полотенца, ещё слуги из покоев лекарей, что всегда были наготове, сновали туда-сюда, непрерывно делая одно и то же, пока рассвет не окрасил собою горизонт.

При тщательной заботе Юн Ци, около трёх дней пролежавший без сознания, наконец-то пришёл в себя.

Юн Шань и Юн Линь присматривали за ним до тех пор, пока юноша не открыл глаза, и тогда два сердца, которые были словно в подвешенном состоянии, успокоились. Однако на все расспросы о том, что случилось во дворце, Юн Ци не был склонен говорить правду и лишь отвечал, что тогда, проведя под порывами ночного ветра какое-то время, лишь ступил на порог дворца, не выдержал и потерял сознание.

Что же касается причины, по которой его звал Огненный император Янь-ди, какие он задавал вопросы, и что отвечал сам Юн Ци, на это юноша, как и раньше, качал головой либо говорил, что не знает, ведь это было лишь для видимости. Однако в душе принц ждал, когда отец-император издаст указ и его, Юн Ци, подвергнут наказанию, а Юн Шаня наконец-то отпустят.

К дням, минутам, проведённым вместе с близнецами, юноша относился с огромной бережностью. С Юн Шанем же он проявлял понимание и покорность: иногда, когда старший близнец нечаянно касался его лица, Юн Ци, предполагая, что юноша хочет его поцеловать, ждал с мгновение, а после сам прижимался к его губам, даря сладкий поцелуй.

Всегда отчуждённый и воспитанный, старший брат Юн Ци внезапно словно изменился. Стоящий в стороне Юн Линь сначала смотрел на его поведение, вытаращив глаза, однако в дальнейшем постепенно привык и лишь вздыхал: действительно, внешность обманчива, ну и ладно.

Таким образом, наполняя воздух тюрьмы благовониями и не говоря ни слова, Юн Ци мучительно выжидал. Кто бы мог подумать, что юноша дождётся последнего дня двадцать первого года рода Цзун.

Наступил канун китайского нового года.

Толстый, висящий в домах людей старый календарь династии Сун уже исхудал до последней страницы, двадцать первый год царствования Огненного императора Янь-ди также подходил к концу.

К этому дню не стоило относиться легкомысленно.

В былые времена с восходом солнца люди, что жили во дворце и за его пределами, рано поднимались и принимались за спешную работу: обеденные столы и украшения были подготовлены уже накануне, шёлковые фонари, украшенные разноцветными узорами, также заранее были заменены новыми, однако всё стоило крайне внимательно проверять и чистить. Каждый суетился, ведь время не ждёт, за день нужно было переделать все дела, чтобы к вечеру проститься со старым и встретить новое [1]. Огненный император Янь-ди хотел устроить приём, на котором наградил бы министров, что целый год трудились не покладая рук, и даже собирался насладиться радостями семейной жизни и со всей семьёй разделить новогоднюю трапезу Ослепительного хозяина Поднебесной, где даже сыны и дочери императора, вторые жёны вместе со своими разного ранга прислужницами сидели бы за одним столом. К тому же ещё придворные служанки, что заботились о юных дочерях императора, и даже те попавшие в тюрьму родственники и свойственники снискали бы расположение государя...

Разве мог в обычные дни император принять в своих покоях всех за раз? Конечно, нет. И лишь такой большой праздник давал возможность собрать всех членов семьи за одним столом, где все были дружны и веселы.

Однако всё это было в прошлом.

В этом году все четыре сына были заточены во Дворце Наказаний. Кто теперь мог составить компанию отцу-императору и матушкам-государыням во время праздничного ужина?

Встав рано утром, три брата вспомнили, какой сегодня день, и незаметно для себя немного оторопев, смотрели на простирающееся за окном небо, храня молчание.

Владыка неба в последний день уходящего года, можно сказать, оказал честь и ниспослал ясную погоду. Сияло ослепительное солнце. Безоблачная высь была залита от горизонта голубым цветом, даря даже взгляду непринуждённое чувство тепла.

Однако царящая во Дворце Наказаний тишина была несколько пугающей.

Должно быть, это из-за необычного положения дел. Ведь там, во Дворце Наказаний, были заключены четыре императорских сына, а воздух, в котором чувствовалось зло, был настолько удушливым, что слуги Дворца Наказаний ходили на цыпочках, боясь проронить даже слово, которое могло вызвать чьё-либо раздражение.

Юн Ци тихо предавался мыслям и не знал, подготавливают ли дворец к празднику, как это было раньше.

Живёт ли ещё матушка во дворце наследного принца?

Все собирались встречать новый год, так почему же отец-император до сих пор не выпускал Юн Шаня? Ведь он же прекрасно знал, что наследный принц несправедливо обвинён.

Почему он, Юн Ци, всё ещё не получил указ отца-императора и не был казнён?

Верно, убивать принца в канун нового года крайне неудачно, лишь когда пройдёт праздник фонарей [2], будет правильным приводить в исполнение смертный приговор.

— О чём размышляет старший брат? Задумчиво смотришь в упор, — донёсся сбоку голос Юн Шаня.

Юн Ци пришёл в себя и, повернувшись к старшему близнецу, слегка улыбнулся:

— Я задумался о том, когда же отец-император выпустит тебя, ведь завтра новый год, ни в коем случае нельзя, чтобы ты встретил его, находясь во Дворце Наказаний.

— Выпустят «тебя»? А почему не «нас»? Старший брат не хочет, чтобы нас освободили вместе? — Юн Ци больше не съёживался от страха и не уклонялся, как раньше, позволяя Юн Шаню без принуждения обвить талию и, приблизившись, смерить себя взглядом. — На самом деле во Дворце Наказаний неплохо. Тишина, безопасно, ещё и старший брат послушен. Во всяком случае, будет ли он таким же, когда мы выйдем отсюда? — Понизив голос, юноша дважды одарил поцелуем впадинку на шее Юн Ци.

Юноша не пискнул, изогнув красивые уголки губ в улыбке и пряча наполненные печалью глаза, он хотел что-то сказать, но снаружи внезапно послышались шорохи.

Хаотично-торопливые шаги становились всё ближе и ближе, по-видимому, людей было несколько. Их шаги, что были слышны даже через дверь, словно ступали по сердцу.

Замок с металлическим скрежетом открылся, и дверь тюремной камеры распахнулась. В комнату внезапно ворвались восемь человек: Мэнь Ци, Ту Дун и несколько знакомых евнухов из императорского дворца, к тому же вместе с ними оказался и Сюань Хунинь, который все эти дни не появлялся во Дворце Наказаний. Все они выглядели бледными.

Дурное предчувствие внезапно охватило Юн Шаня, а сам юноша поднялся с места и, понизив тон, спросил:

— Что случилось?

— Ваши Высочества, — Сюань Хунинь, который был облачён в официальное платье чиновника пятого ранга, шагнул вперёд и, не подходя слишком близко к принцам, с трудом разомкнул губы: — У нас указ императора: Ваши Высочества должны прямо сейчас явиться в императорский дворец на аудиенцию к государю.

Смотря на его лицо, трое юношей почувствовали, как их охватывает дрожь. Обменявшись взглядами, братья заметили лёгкую панику в глазах друг друга.

Не смея задавать лишних вопросов, Юн Ци, Юн Шань и Юн Линь тотчас же подчинились указу и последовали за Сюань Хунинем.

Покинув известный всеми Дворец Наказаний и переступив ярко-жёлтую черту на пороге, юноши увидели, что не только их троих освободили, но ещё и Юн Шэна, который был заперт в другой камере.

Увидев пятого младшего брата, Юн Линь дурно усмехнулся и специально склонил голову набок.

Находясь несколько дней в заключении, Юн Шэн, вероятно, уже немного начал воспитываться во Дворце Наказаний и больше не вёл себя как раньше, заносчиво и разнузданно. Юноша был облачён в пепельного цвета одежду. Свесив руки и немного опустив лицо, Юн Шэн недоверчиво и с беспокойством оглядел братьев.

За стенами Дворца Наказаний стояли двадцать императорских телохранителей и, держа мечи за поясом, тихо ожидали принцев. Лица мужчин были словно отлиты из чугуна, глаза косо не глядели [3], как будто охрана находилась перед лицом сильного врага. Увидев всех четырёх сынов императора, охранники без лишних слов, защищая и в то же время держа юношей под надзором, сопроводили во дворец императора.

Пока они шли, никто не осмелился прервать тишину, даже Сюань Хунинь не проронил ни слова, лишь отсутствующим взглядом смотрел вперёд.

Настроение было серьёзным, словно кирпич сдавливал сердца каждого.

Спешно следуя за чиновниками, юноши подняли головы и увидели, как перед дворцом толпились люди: вероятно, все правомочные придворные министры, получив указ, явились во дворец. Все были облачены в приготовленные в честь праздника новые одежды, однако весёлое настроение сменилось тревогой, смятением и печалью.

С самого начала люди, сблизив головы, перешёптывались, но, как только чиновники увидели Сюань Хуниня с толпой охранников и охваченных унынием сынов императора, тотчас же замолкли. На площади стало не слышно ни вороны, ни воробья [4]. Все словно онемели, и мало кто, вспомнив, что должен поприветствовать сынов императора и наследного принца, собирался опуститься на колени. Однако они не успели этого сделать, так как Юн Шань вместе с братьями уже спешно прошёл через главные ворота дворца и их силуэты пропали из виду.

Войдя во дворец, наследный принц осмотрелся и увидел стоящих в крытой галерее Ван Цзинцяо вместе с седовласым старым другом императора, на их лицах был виден оттенок скорби. После чего Юн Шань прошёл во дворец, где ему внезапно открылось следующее.

По большей части, наложницы, выглядящие опрятно, также прибыли сюда. Согласно рангу, высокому или низкому, женщины преклоняли колени и проходили к опочивальне. Каждая, смиренно опустив голову, тихо ждала, когда её позовут. Юн Шань смотрел и видел лишь их силуэты, однако впереди он заметил двух женщин, разодетых в роскошные наряды. Должно быть, это были наложница Ли и его родная матушка.

Не боящийся ни неба, ни земли Юн Линь сейчас от тяжёлой и не дающей вздохнуть атмосферы испытывал удушающий страх. Опустив голову, юноша тихо спросил:

— Старший брат, почему во дворце так много людей?

На что сам Юн Шань лишь покачал головой и многозначительно посмотрел на младшего близнеца, словно запрещая тому болтать попусту.

Юноша думал, стоит ли воспользоваться случаем и подойти к наложнице Шу, чтобы сказать несколько важных слов, однако придворный лекарь Чэнь спешно вышел из боковой двери с сообщением и, встав перед Юн Шанем и остальными принцами, низким тоном проговорил:

— Государь издал указ: Юн Ци, Юн Линь и Юн Шэн, идите в передний зал [5] и ждите, преклонив колени. А наследного принца прошу проследовать за Вашим старым слугой, император хочет поговорить с Вами наедине.

Юн Шань кивнул и уже собирался уйти, но стоящий сзади Юн Ци внезапно схватил юношу за рукав и потянул назад. На этот раз старший брат оказался необычайно сильным, и кто бы мог подумать, что он вцепится в Юн Шаня, заставляя того отступить назад. В изумлении юноша обернулся и уставился на Юн Ци, однако старший брат уже приблизился губами к его уху и крайне серьёзным тоном проговорил:

— Запомни: несмотря ни на какие вопросы отца-императора, всю вину перекладывай лишь на меня. Если ты будешь покрывать меня и сам понесёшь ответственность за обвинения, то я не приму твои чувства и тотчас же разобью себе голову об эти каменные ступени!

Юноша уже давно обдумывал эти слова и решил, скрепя сердце, высказать их. Обычно он редко был таким решительным. Закончив говорить и не дожидаясь какого-либо заявления со стороны Юн Шаня, старший брат легонько толкнул того в сторону придворного лекаря Чэня и, отпустив рукав, прошептал:

— Младший брат, береги себя. — И, посмотрев на наследного принца пробирающимся до глубины души взглядом, Юн Ци отвернулся.

Охваченный смешанными чувствами, Юн Шань разомкнул губы, однако придворный лекарь Чэнь, не в силах больше ждать, потащил его в глубь комнаты, туда, где никто бы им не помешал, и шёпотом произнёс:

— Ваше Высочество, Вам нужно подготовиться. Государь... он... скоро умрёт.

Юн Шань внезапно вздрогнул.

Отец-император тяжело болен!

Серьёзная болезнь уже давно тревожила государя, и, понимая, что жизнь отца-императора постепенно угасает, юноша в душе немного был готов к этому дню, однако, покинув Дворец Наказаний и внезапно услышав слова доверенного лекаря Чэня, наследник престола всё же почувствовал, как холодное лезвие пронзает голову. От охватившей боли Юн Шань вздрогнул, а все кровеносные сосуды сжались.

Проследовав за мужчиной, юноша в растерянности подошёл к двери и с таким же замешательством перешагнул порог опочивальни отца-императора.

Внезапно хорошо знакомое тепло обдало лицо Юн Шаня, напоминая дыхание отца-императора.

На стоящем впереди императорском ложе спокойно лежал на спине Огненный император Янь-ди. Толстое атласное одеяло не полностью укрывало его тело, лицо больше не было жёлтого оттенка, наоборот, сейчас его украшал румянец, вселяя в душу дурное предзнаменование.

— Государь, наследный принц здесь. Государь, проснитесь... — слегка громким голосом позвал придворный лекарь Чэнь, встав у кровати. Произнеся последнюю фразу со всхлипом, мужчина тотчас же закрыл рот, с трудом сдерживая себя.

— М... — Огненный император Янь-ди тихо открыл глаза. — Юн Шань пришёл? — И мужчина с трудом повернул голову.

Юноша спешно подполз к изголовью кровати, поднял голову и проговорил:

— Отец-император, Ваш сын пришёл. Отец-император скоро поправится. Эти дни выдались слишком утомительными, потому-то... — Слёзы подступили к горлу, не давая вымолвить и слова.

— У твоего отца-императора времени осталось мало, ни к чему говорить такие льстивые речи, — с трудом произнёс император Янь-ди. Ему словно что-то мешало дышать, отчего лицо стало ещё более красным. Немного отдышавшись, мужчина высвободил из-под одеяла руку, которая была сухой.

Юн Шань спешно сжал её в ладонях, чувствуя, что в руке Огненного императора Янь-ди больше не было прежней силы. От этого осознания чувство огорчения огромной волной нахлынуло на юношу.

Вздыхнув, мужчина тихо проронил:

— Юн Шань, твой старый отец-император собирается покинуть тебя.

Он слегка выдохнул эти слова, словно обдавая наследного принца ледяной водой.

Перед тем, как прийти к отцу-императору, юноша всё время держал в уме вопросы, ответы на которые знал лишь отец-император: как сохранить старшего брата, как уберечь матушку, в чём заключена мощь отца-императора, и как открыть сети с одной стороны [6], чтобы люди жили в благополучии.

Прокручивая мысли в голове, осознанно или нет, но юноша принимал отца, который сжимал его руку, за условного противника.

Однако в этот момент Юн Шань наконец-то понял, что все ответные меры, которые хотел предпринять, на самом деле не заслуживали беспокойства, и он, Юн Шань, скоро лишится всего, что у него есть.

В миг печаль, которую юноша никогда не чувствовал, охватила душу.

Юн Шань не ощущал себя взрослым, лишь ребёнком, терявшим родного отца, и, не в силах сдержать скорбь, что охватывала душу, разразился горькими слезами. Сжимая руку Огненного императора Янь-ди, юноша сказал:

— Отец-император! Отец-император! Не говорите так! Вы проживёте долгие лета и наверняка приобретёте вечное долголетие, а Вашего сына, чья непочтительность достигла неба, ввергая отца-императора в гнев, лучше смело накажите...

— Не плачь, не нужно, — Огненный император Янь-ди обессиленно промолвил, — у Нас есть ещё слова, которые нужно тебе сказать, если не сделаем это сейчас, то уже не скажем никогда.

С красными от слёз глазами лекарь Чэнь сделал два шага вперёд и хмуро проговорил, убеждая:

— Ваше Высочество, обуздайте себя и послушайте государя.

Юн Шань мучительно сдерживал рвущийся наружу плач.

Находясь на волоске от смерти, Огненный император Янь-ди сказал:

— После Нашей смерти тебе нужно заботливо переманить на свою сторону стариков. Как

можно больше утешай чиновников первого и второго рангов, их года слишком велики, и огромная благосклонность им не мешает, не стоит терять их добрые чувства.

— Слушаюсь...

— Юн Ци не вернётся в пожалованные ему земли, так как Мы издали указ, повелевая ему вести дела царствующего дома и остаться во дворце навсегда. Он Наш старший сын и обязан стоять во главе и с почтением осуществить волю родителей, служить примером младшим братьям. Мы хотим, чтобы он... оставаясь во дворце, на протяжении десяти лет сохранял сыновнее почтение, охраняя Нас, старого родителя, и прося за Нас благословения Неба [7]. Он не должен приближаться к женской красоте. Надо считать, что он наполовину бонза [8].

Юн Шань поднял взгляд и посмотрел на Огненного императора Янь-ди с восхищением и в растроганных чувствах.

Такие уму непостижимые меры, оказывается, были предприняты ради них, братьев. Хотя это было несколько странно, однако, когда речь шла об усердном исполнении долга перед родителями, к тому же воля исходила из уст умирающего императора, ни один министр не посмеет возразить.

Такая воля Огненного императора Янь-ди являлась полноценной помощью двум детям.

Юн Шань очень раскаивался, считая себя непочтительным сыном:

— Слушаюсь и благодарю отца-императора, Ваш сын... Ваш сын...

— У Юн Ци в Наньлине осталась принцесса, по слухам, она милосердна, но, к сожалению, ей не удалось родить детей. И поскольку ему предстоит такое долгое и усердное служение родителям, то не следует оставлять в царствующем доме женщину, поэтому через несколько дней ты лично должен выдать её замуж, пожаловать ей большое приданое и, так как это считается вторым её браком, не позволяй родителям мужа вмешиваться, чтобы не ставить принцессу в затруднительное положение.

— Слушаюсь.

— Увы... — Потухшие глаза императора медленно-медленно двинулись, и мужчина устремил свой взгляд на Юн Шаня: — Отец-император сначала рассчитывал, что ты женишься, и Мы увидим, как ты создашь семью, поднимешься на ноги [9], обзаведёшься детьми и будешь их воспитывать, чтобы потом даровать тебе прекрасные реки и горы, но Мы никак не думали, что дожить до твоего двадцатиоднолетия Нам так и не удастся. Наследный принц, тебе ещё только шестнадцать лет, и Мы вынуждены опустить такую тяжёлую ношу на твои плечи. Мы сожалеем. Император хотел защитить народ Поднебесной, однако никто не смог защитить самого императора. В защите от ветра и в создании надёжного укрытия от дождя каждый полагается лишь на себя. Впредь, если на твоём пути вновь появится коварство, то этот старый

и глупый отец-император больше не станет тебе препятствовать, вместо этого в последний момент окажет милость, защитив тебя...

Когда слова прервались, сердце Юн Шаня будто полоснули ножом, и слёзы навернулись на глазах.

Понимая, что Огненный император Янь-ди ещё хочет что-то сказать, юноша не осмелился рыдать в голос и сдерживал рвущийся из горла плач, иногда из-за чувства тяжести склоняя голову.

— Юэ Лин — старший из придворных — является консерватором, к тому же он старый друг, который долгое время служил Нам верой и правдой и может смело указывать в лицо на ошибки Высшего, однако если бы он всё ещё был старшим сановником, то рано или поздно, раскрыв твои с Юн Ци отношения, поднял бы шум во дворце императора. Что тогда стало бы с твоим добрым именем и достоинством? Потому-то Мы уже издали указ, позволив ему уйти на покой, место же старшего сановника пока пустует. Когда ты вступишь на престол, Чжан Яо получит повышение. Он мудр и изворотлив, а Чжань Цзы молод и не осмелится интересоваться делами членов царствующего дома и того, что происходит во дворце наложниц.

— Слушаюсь. Отец-император мыслит предусмотрительно.

— Юн Линь также останется во дворце. Он является твоим младшим близнецом, в этой жизни он может держаться тех же помыслов и тех же моральных устоев, что и ты. Когда он станет опытнее, то будет вести себя более сдержанно. Позволь ему управлять военной властью, в будущем он станет твоей поддержкой и доверенным лицом.

Огненный император Янь-ди закончил говорить, и его вновь охватил приступ кашля, который словно хотел вырвать сердце и душу. Юн Шань спешно приблизился и, приподняв отца, долгое время утешающе гладил того по спине. Кашель императора с трудом прекратился, а сам мужчина, тяжело дыша, словно воздуходувные мехи, с трудом произнёс:

— Ты всё ещё сомневаешься? Тогда выскажись... — слова уже звучали невнятно.

Сдерживая горестный плач, Юн Шань вновь опустился на колени и, склонив голову, проговорил:

— Отец-император тщательно всё продумал, и Ваш сын тронут до слёз заботой отца-императора. Только... только что отец-император намерен сделать с матушкой и наложницей Ли?

Ещё не зная, что ответит император Янь-ди, юноша, спрашивая, между строк уже умолял отца сжалиться.

Огненный император Янь-ди, взяв руку Юн Шаня, хотел крепко её сжать, однако, не найдя и шелковинку силы и не в состоянии сдержать тяжёлое дыхание, ответил:

— Наложница Ли и наложница Шу уже получили Нашу волю, это... это судьба, и тебе не стоит вмешиваться...

Голос императора Янь-ди, который проронил последнее слово, уже звучал словно старый, летящий по воздуху пух. Мужчина знал, что наступает его смертный час, царящие до этого в его глазах безразличие и холод исчезли, а сам император Янь-ди искренне посмотрел на наследного принца, на которого возлагал большие надежды, и, хватаясь за каждое мгновение, с усилием выдохнул сквозь зубы:

— Совершенномудрый бесчеловечен, только он не может не ставить себе в заслугу, напитав всё сущее [10]. Юн Шань, чтобы быть хорошим императором, тебе нужно будет заботиться о народе Поднебесной, только едва ли он поймёт твои усердия. Отныне и до века твои стремления будут расти, как страх людей и зависть, и лишь любви будет мало. Мы уже подвергли Юн Ци испытанию. Он добрый и робкий, однако ради тебя проявил твёрдость и показал искреннюю любовь к тебе. Это является даром Небес для тебя. Мы... не беспощадны, не... не отнимем того, что тебе даровало Небо... вы... вы полагайтесь друг на друга... — Мужчина внезапно остановился, и яркий свет, что был перед его глазами, померк.

Эпоха непреклонного мудрейшего государя вмиг ушла навеки.

Юн Шань оцепенел на мгновение. Поняв, что мужчина уже умер, сын сжал безжизненную руку отца-императора и разрыдался.

Придворный лекарь Чэнь, шагнув вперёд, проверил пульс Огненного императора Янь-ди, и старческие слёзы беспрерывно покатались по лицу. Жестом подозвав стоящего у дверей бледного У Цая, старый лекарь проговорил, задыхаясь от слёз:

— Иди... иди и скажи стоящему снаружи наставнику Вану и генералу У Цзяньцзэну, что император уже... уже драконом правя, выси посетил [11], и попроси их немедленно исполнить последнюю волю умершего императора...

У Цай, смахнув слёзы и вымолвив: «Слушаюсь», вышел из комнаты.

Вскоре неизвестно какая наложница, стоявшая снаружи, первой подняла душераздирающий крик, вслед за ней зарыдал каждый. Новость за мгновение разлетелась, и не только передний зал, но и внешние покои наполнились горькими стенаниями павших на колени придворных.

Звуки плача пронзили небесную высь и наполнили весь императорский дворец.

Примечания:

- [1] Встретить новое, т.е. новое поздравление на Новый Год.
- [2] 15-го числа 1-го месяца по китайскому лунному календарю.
- [3] Обр. в знач.: держаться корректно, не отвлекаться, не смотреть, куда не следует.
- [4] Обр. в знач.: царит мертвая тишина, стоит гробовое молчание.
- [5] Павильон перед основным сооружением императорского дворца.
- [6] Обр. в знач.: допускать послабление законов, относиться снисходительно.
- [7] Благословение Неба, т.е. богов; обр. молить о счастье.
- [8] Бонза — китайский или японский священник, от франц. «bonze», так в Европе называли буддийских священников.
- [9] Обр. в знач.: обзавестись семьёй, зажить самостоятельно, своим домом.
- [10] Обр. в знач.: император не может не гордиться тем, что делает для народа.
- [11] Обр. в знач.: скончаться, при разговоре об императоре. Отсылка к мифу об императоре Хуан-ди, унесённом драконом на небо.

<http://bllate.org/book/13372/1189627>